

Сергей ЛАВРОВ "Мы — вежливые люди. Размышления о внешней политике" (серия "Служить России"). — М.: Книжный мир, 2017. — 544 с.

КАК ИЗВЕСТНО, есть два принципиальных способа быть лидером и управлять людьми. Первый — становиться лучше, "расти" самому, и второй — подавлять других, тем самым возвышаясь на их фоне.

В масштабах большой политики этот выбор является, можно сказать, судьбоносным не только для самих лидеров, но и для тех структур и государств, которые они возглавляют. "Птенцы гнезда Петрова", "Екатерининские орлы", "Сталинские соколы" — всё это свидетельства того, что и Пётр I, и Екатерина II, и "отец народов" были по-настоящему великими лидерами, которые создавали вокруг себя конкорции чрезвычайно компетентных и успешных соратников. А вот, например, за активно и повсеместно прославляемым ныне Николаем II ничего подобного, увы, не водилось — из выступавших на его стороне деятелей выделяется разве что Пётр Аркадьевич Столыпин, да и того последний "самодержец всероссийский" сделал главой своего правительства по крайней необходимости. Да, был ещё "старец" Григорий Распутин — но он выступал уже больше в роли "громоотвода", по которому били все политические молнии, и когда этот "громоотвод" уничтожили, никто в верхах Российской империи за будущего царственного мученика (а тогда — Николая Кровавого) не вступился — наоборот... И "монархистов" после 1917 года в России как политической силы больше не было. От слова "совсем". Конечно, можно назвать того же Сталина "красным монархом", но это уже другое...

Это всё к тому, что правление Путина с данной точки зрения является, мягко говоря, противоречивым. С одной стороны — такие люди, как министр обороны Сергей Кужуветович Шойгу и автор рецензируемого сборника, министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров, чей авторитет по-настоящему высок и в нашей стране, и за рубежом. С другой — такие люди, как "лучший министр финансов" Алексей Леонидович Кудрин, "лучшая глава Центробанка" Эльвира Савихизаднова Набиуллина, "лучший менеджер" Анатолий Борисович Чубайс и прочие "прорабы рыночных реформ", которые — *potinina sunt odiosa*, скажем так... Впрочем, не будем о грустном. Тем более что налицо был "феномен Сердюкова—Васильевой", когда "фельдмариш Табуреткин" и его верная "амазонка", что называется, от души феерили в отечественном военном ведомстве, разваливая всё, до чего доходили их творческие руки и вызывая сдвигленный хохот "спецов" за рубежами нашей богоспасаемой страны, — а потом "внезапно", откуда ни возьмись, появились и "арматы", и "калибры", и всё, что нужно для победы в современных боевых конфликтах...

Впрочем, здесь речь — о Лаврове. Признанном мастере дипломатического слова и дела мирового уровня. В рецензируемом издании составитель и автор предисловия Елена Пономарева сбавила выступления действующего министра иностранных дел РФ за 15 месяцев, с января 2016 по март 2017 года включительно. И они, как легко можно убедиться, охватывают весь спектр российской внешней политики, от "ближнего" до самого "дальнего" зарубежья. Весьма показательно в этом отношении не слишком растягивавшееся в средствах массовой информации выступление Сергея Викторовича на встрече с молодежью в Белорусском государственном университете 16 мая 2016 года: "Ситуация в мире непростая. Идёт процесс перераспределения экономической мощи, финансового влияния, а вместе с этим — и политического веса. Процесс болезненный для тех, кто привык занимать доминирующие позиции в мире в течение многих столетий. От этой привычки трудно избавиться. Но объективный процесс превращения мировой системы в полицентричную, в более сбалансированную и демократическую — идёт, и его не остановить. Попытки опять цепляться за однопольную концепцию мира хотя и иллюзорны, но, к сожалению, наносят вред состоянию международных отношений, способствуют вмешательством во внутренние дела, попыткам смены режимов, силового принуждения... Поэтому мы должны помнить об уроках истории: когда появляются общие зло и враг — мы должны объединиться..."

Понятно: политкорректно названный Лавровым в качестве такого "общего врага" и безусловного зла международный терроризм — не более чем фигура речи, за которой скрывается "коллективный Запад" (ведь именно он утрачивает привычную для него "на протяжении столетий" доминацию на мировой арене, а вовсе не нанятые в качестве "пушечного мяса" "варвары", исламисты — у тех-то доминанции уж точно не было со времён завершения испанской Реконксты, если не ранее). А вот что говорил глава нашего дипломатического ведомства, выступая с лекцией для высшего офицерского состава Академии Генштаба 23 марта 2017 года: "Приходилось встречаться с мнением, которое охотно подхватывают русофобы: что обширная география России сформировалась, дескать, благодаря экспансии... На это можно ответить, что большая беда для нас в последние столетия происходила почти всегда и только с Запада, в то время как Россия, по известному изречению М.В. Ломоносова, "прирастала Сибирью", собирая под своим крылом разные народы и земли на Востоке". То есть там, откуда нам не грозили ни Карлы XII-е, ни Наполеоны, ни Вильгельмы II, ни Гитлеры с Черчиллями и Трумэнами. Даже "русско-апонскую" войну 1905 года "спонсировали" наши "западные партнёры" — разумеется, в пользу Страны Восходящего Солнца, за что потом расплатились во время Второй мировой войны...

Но, главное, наверное, то, что если в арсенале министра иностранных дел нашей страны присутствует и используется понятие "русофобия", национальными интересами России как общего для всех её народов дома (наш дом — наша крепость, а наша история — это наша география) государственная власть поступаться не будет.

Георгий СУДОВЦЕВ

РОДНЯ «ПОСРЕДИ МИРОВ»

О новых стихах Светланы СЫРНЕВОЙ

СКАЖУ ЧЕСТНО: современную женскую поэзию я не люблю. Кроме стихов Светланы Сырневой, Натальи Егоровой, Татьяны Грибановой и ещё пары-тройки пронзительных и ярких поэтесс. Хотя известных имён, принадлежащих к классической школе, в России значительно больше. Таланты их не отрицаю. Но вот в гениальности могу "упрекнуть" только Светлану Сырневу. Лично с нею я не знаком, хотя живём в соседних регионах и вполне могли бы повстречаться на ежегодной Поэтической эстафете в Сыктывкаре. Думаю, хорошо, что не знаком. А то пришлось бы все красивые слова сказать в личной беседе. Что, согласитесь, лишает диалог непосредственности, полной объективности и зачастую подталкивает к прикидывшейся в литературной среде доброй крыловской традиции. Уважающим себя поэтам лучше всё-таки разговаривать на расстоянии. Без шумных застолий и взаимных здравниц. Тем более сегодня столько пластмасс и гаджетов нахально пытаясь прилепиться к той ментальной сущности, которая несмотря ни на что всё же остаётся Поэзией. Только она никогда не состояла из химических формул и слабо подчиняется физическим законам, которые в последнее время всё чаще опровергают сами же учёные. Ибо она исходит из души автора и стучится в эфирном пространстве в иные, уже читательские, души. Она, как мне кажется, и есть метафорическая РОДИНА. Не в флагами, гимнами и парадами. А деревянкой, чаще одностаянкой. Певучая по праздникам и сыплющая золотые словечки по будням. Нужная сегодня лишь национальным поэтам, вышедшим из изб и хат, да жителям последних русских деревень и всё ещё уютных маленьких городков. Закрой их, обезлюдь, и на исконную Россию можно вешать огромный амбарный замок. А это конец русской истории. Апокалипсис, прости Господи!

Может быть, я и не написал бы этих возвышенных и грустных слов, но моментально сесть за клавиатуру заставила новая подборка Светланы Сырневой "Посреди миров", буквально на днях вышедшая в прочно ставшем на свои саратовском журнале "Волга — XXI век". В таких случаях пишут о глотке свежего воздуха. Только здесь не глоток, а целый озоновый океан, который вызывает к битию стихи поэтессы. Сотканые из осязаемой материи, настолько ясной и простой, что "чувствуешь в них пульсирующую жизнь, на мистическом уровне близкую к белковой. Теперь верю, что славянские волхвы своими заговорами могли влиять на погоду. А поэт, пусть даже православный да мозга костей, чем не волхв, коли он может своим творчеством изменить атмосферу в Отечестве! Только бы оное обратило бы внимание.

На первый взгляд, стихи Сырневой обычны по тематике. Провинциальные городки и сёла с неприхотливым (эпитет из одного из стихотворений) народом. Старинные друзья. Сплетённые чистых церковных голосов. Многострадальный странник водитель. И даже застывший, словно вынырнувший из хронометража, ямщик у кибитки. Меня лично такое соседство не поражает. В древнем Вятском краю, где обитает Светлана Сырнева, вполне мирно уживаются и в наши дни все русские века. Ничто не исчезает

бесследно. Всё аукнется. Особенно в народной поэзии. А уж в творчестве гениального поэта, её как бы обобщающего, — всенепременно. Тут живёт родня самой поэтессы и, собственно, всего русского народа. Вот почему в любом уголке огромной страны нам чудятся родные лица и дома. Недаром одно из стихотворений подборки так и называется — "Родня".

*Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.
Стоял короткий летний срок,
базар толнул в пыли.
Мы город вдовь и попере́к
три раза обошли.
И было сладко оттого
глазеть по сторонам,
что не должны мы ничего
и он не должен нам.*

Разве многим из нас не приходится вот так, вроде бы бесцельно, бродить по малознакомым русским городкам, небогатым, одновременно приветливым и настороженным, и вслед за Светланой Сырневой повторять её главный философский вопрос: "Назад идём или вперёд?". Уже в другом стихотворении — "Друзьям" — она самой себе решительно ответит:

*Жизнь не покатится назад:
мы все теперь друг другу ровнены:
и каждый в чём-то виноват,
и каждый в целом невиновен.*

В чём же суть таланта Светланы Сырневой? Разбирать по филологическим косточкам её творения бесполезно. Там есть пушкинский привкус в строках "кленовой свой убор". Пахнет почти лермонтовским походным конюшим дымом. На лирическую сцену вполне в духе Михаила Юрьевича являются ярмарки с пеньем и свистом. Выёлся чуть ли не есенинский дремлющий туман. Это не замствования у классиков. Скорее, ассоциации. Генетическая литературная память. В любом настоящем шедевре есть группы "генов", кровно связанных со всем первым рядом национальной поэзии.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

Начиная со "Слова о полку Игореве. Они и дают ростки творческой эволюции, присущие только конкретному автору. Недаром тут же чисто сырневские наивные незабудки среди рам. Или вот ещё пара цитат: "Бродил и варился тягучий настой, сцепляющий кровли и ветви". И "Лишь под ногами лежит континент сумрачно и неподвижно". Наивные незабудки — да это же про всех нас, будто поплавающих уже не в некогда популярную среди радикалов теплепередачу "За стеклом", а в вакуую-то жизненную фантазмагорию.

Словом, классика Сырневой начинается в девятнадцатом и двадцатом веках и продолжается в полувиртуальном двадцать первом. Попытаюсь говорить о мироощущении от прочтения стихов лучшей, как считают многие исследователи её творчества, современной русской поэтессы. Почему-то критики всё чаще шарахаются от чувств авторов и забывают рецензии нагромождением сомнительных терминов. Те по академическим канонам правилны, но ни на йоту не добавляют понимания исследуемого поэта. Царствует наукообразный антураж, а не истинная картина мира того или иного автора. У Светланы Сырневой она напоминает и русскую провинцию, и картины Михаила Нестерова, Ивана Шишкина, её земляка Виктора Васнецова и чутьчуть Исаака Левитана. Утверждаю не потому, что сызлаюсь на известные полотна, а вспоминаю, например, остающийся под утренниками сосновый осенний бор под брянской Великой Топалью, где, пожалуй, самый знаменитый русский пейзажист одно время писал свои "медвежьи" этюды. "Какая боль! Какая грусть! Какое долгое прощанье!". Эти строки Светланы Анатольевны были бы и в тех местах весьма кстати. Ведь речь идёт о национальном поэте. Да и время Сырневых подоходит!

Она не такой лирик, чтобы её стихи подобострастно обставляли лингвистическим костяком. Сколько, скажите, раз мы продлились сквозь восприятие его полные детских тайн душевные малинкины и густую крапиву, в каких Рубцов когда-то подсмотрел один из своих шедевров. В таких случаях многие по-своему тоже были поэтами. Даже в душе

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышел из печати, поступает к подписчикам и в продажу двоечный, за июль—август (2017, №№ 7-8), выпуск газеты "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ".

В номере — передовая Максима ЯКОВЛЕВА о скандале вокруг фильма "Матильда",

поэзия Вячеслава БОГДАНОВА, Марины ЛЮБИМОВОЙ и Светланы СУПРУНОВОЙ, публикации Владимира БОНДАРЕНКО, Валерия СКРИПКО, Юрия СЛАЩИННИНА, Владимира СЛЁЗИНА и Павла ФОНАКОВА, Валентина ЕРОФЕЕВА пишет о повести Михаила ТАРКОВСКОГО, Иван САБИЛО — о романе Юрия СЛАЩИННИНА, Владимир ПОДЛУЗСКИЙ — о новых стихах Светланы СЫРНЕВОЙ. Валентин СОРОКИН размышляет о поэзии Вячеслава БОГДАНОВА, Андрей РУМЯНЦЕВ — о феномене Александра ВАМПИЛОВА, Алексей ШОРОХОВ — о творчестве Юрия КАЗАНОВА. Также в номере — выступление Василия ДВОРЦОВА, посвящённое Пушкинской речи

пытались запомнить какие-то слова, но те исчезали, таяли как туман у утренней реки. Оставался на душе лишь малиновый звон. Потом, конечно, впечатления превращались в пословицы, поговорки, прибаутки, частушки. Очень густо перемешанные со школьными программами по литературе. У Сырневой (кстати, в своё время учителя-словесника) они вылились в современные образцы поэзии. Я специально не говорю — женской. Истинная русская лирика всегда женственна в своей основе. Даже самая брутальная. Может, потому, что Россия, а значит, и её Поэзия, находится под Покровом Богородицы.

В городе наблюдения, конечно, тоже кристаллизуются. Только очень уж технично и в университетском духе. Как учил нас нормам русского языка незабвенный академик Розенталь. Вот почему Сырневой — поэту из Кирова, родившемуся в учительской семье в деревне, с выжившим в годы повальной интернационализации названием Русско-Тимкино, надо было обязательно поехать в ближний вятский городок, чтобы, не фальшивая, вновь заговорить на языке детства. Только уже более умудрённой опытом, сыном ошибок трудных. Собственное лицезрение событий, особенно далёкой глубинки, ни в одном томе с золотым обрезом не вычитаешь. Разве что в книге своей судьбы.

Сырневой претит любая книжность, ставшая для городской интеллигентской поэзии своеобразным катизисом. Светлана Анатольевна не стремится блеснуть эрудицией. Разве что вспомнит между делом Одиссея. Так про него любая деревенская бабка слышала. Хотя бы на уровне быличек, гуляющих по завалинкам. Словом, поэт Сырнева вышла из народа и пишет для народа, а не для литературной тусовки. Как Сергей Есенин или Николай Рубцов, живший (правда, в иное время) с Сырневой почти на одной параллели. Или, судя по подборке, как её любимая Марина Цветаева, вспоминающая которую в Тарусе, поэтесса мечтает: "Зелёным кустом природы на горе, где маленький домик поэта". Ещё в середине прошлого века лучшая русская поэзия стала развиваться именно на Севере и в предгорьях Урала. Сейчас, правда, она возвращается и в среднюю полосу, осяняя своим вдохновением орловские, курские, воронежские и липецкие города и веси. Светлана Сырнева в той или иной степени принадлежит к разным традиционным школам. В том числе и к рубцовской. С именитыми поэтессами прошлого Светлану Анатольевну трудно сравнить. Хотя бы с той же излишне "раскрашенной" Цветаевой или с пронциально-холодной Анной Ахматовой. Та же могучая сила, но более, если позволите, русифицированная. Сырнева теплее и пронзительнее. Я уж не говорю о её ненавязчивой образной философичности:

*Чтоб подробностей не знала
лёгкая душа,
чтоб ответа не просила,
не искала кров,
а сама собой парила
посреди миров.*

Самый главный мир для Светланы Сырневой — русский. На физическом, да и на духовном уровне разорванный на куски. Есть силы, которые его, заколдовав, хотели бы превратить сначала в алуго голговерскую свитку, чьи отрубленные рукава назло хрюкающим в славянские окна свиньям всё же ползут друг к другу, — а затем в смертельный саван. Их надо бы по православным правилам сбрызнуть святой водой, а чаще сбрызгивают кровью тех, кто ту свитку, ещё не кровавого цвета, когда-то носил.

Пора кончать разбор в восточнославянской истории. Недаром рядом с идиллическим полусном сырневских уездных городков стучаются мрачные пейзажи, но одновременно и пробуждается весна. Вроде природная. На самом деле историческая. Я не нашёл в подборке картин гнева. Этаких русских Помпеев. Поэт никому не угрожает. Она спокойна, по-женски пророчесствует. Ясно укажет, что на первое место в духовной жизни России должны выйти Церковь и Поэзия, в полной мере возносящиеся "Посреди миров". Не о нашем ли времени незабвенный Николай Васильевич столь мощно и пророчески писал в своём знаменитом отрывке про птицу-тройку, давшем Есенину, по признанию самого же лирика, толчок для одного из гениальнейших его стихотворений. Вот и в стихах Светланы Анатольевны тройка мелькает. Её не подгоняют, а она бежит. Куда? Не даёт Русь ответа вместе со всей авторской и нашей роднёй:

*Русь, такова ты в глубинах снегов,
в горестной доле отцовой!
Вьётся река между двух берегов
лентой тяжёлой, свиноводы.*

И, не дай Бог, свинец сей — не образный, а самый настоящий. С военных заводов.

В начале рецензии я искренно заявил, что не люблю женскую поэзию. Я имел в виду плохую, пронизанную кликушеством и набором псевдопатристических штампов, расцвеченных ссылками на разных там богатырей и ясонокных былинных дев. Поскольку ничего подобного в творчестве Светланы Сырневой нет, то почему бы не полюбить её стихи, полные спокойной и непримудной русскости.

Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО, и отклик Александра ТОКАРЕВА на роман Владимира ШМЕЛЬКОВА. Как всегда, читатели могут ознакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, спрашивайте в редакциях газет "День литературы" и "Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр., 13), Литинститута (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (ул. Б.Никитская, 53). Наш телефон: 8-499-246-53-11; e-mail: Denlitera@yandex.ru; электронная версия: http://denlit.ru/. Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

КАК ВЫ ПОДКУ НАЗОВЁТЕ...

Полемические заметки о неявном смысле термина «интеллигенция»

У НАС В СТРАНЕ почему-то принято считать, будто феномен "интеллигенции" — один из культурных "маркеров" России и неотъемлемых элементов "русского мифа": наряду с медведем, водкой, матрёшкой, самоваром и балалайкой. Например, Абрам Фет пишет:

Понятие "интеллигенция" и производные от него — "интеллигент" и "интеллигентный" — имеют ключевое значение для понимания русской истории. Можно с уверенностью утверждать, что интеллигенция — в особенном русском смысле этого слова — была главным двигателем исторического развития России и тем самым прибором всемирного исторического значения, а человеческий тип, обозначенный словом "интеллигент", стал восприниматься как новый тип человека". Он же, со ссылкой на опубликованное в 1964 году специальное исследование американского слависта Алана Полларда, утверждает необоснованность притязаний П.Д. Боборыкина на авторство понятия "интеллигенция" в новом, "специфически русском" смысле: как некоего общественного явления, а не индивидуальной способности к исследованию и пониманию, отдавая приоритет "славянофилу" И.С. Аксакову, а внедрение в общеупотребительный лексикон — известным публицистом второй половины 60-х годов XIX века, "народником" Н.В. Шелгунову и Н.К. Михайловскому, а также "якобинцу" П.Н. Ткачёву...

Такое "восстановление исторической справедливости", да ещё со столь "показательным разоблачением" боборыкинских претензий, зачем-то поддержанных сначала Р.В. Ивановым-Разумником, а затем — даже Большой Советской Энциклопедией, наверное, могло бы считаться окончательным, но в нынешней ситуации его можно поставить под сомнение — тем более что в исследовании А.И. Фета абсолютно отсутствует упоминание о втором — не менее важном, чем пер-

вое: "понимание" — значении английского слова "intelligence", а именно — "разведка". Что, кстати, нашло отражение в названиях таких интересных структур, как Secret Intelligence Service, Military Intelligence, Central Intelligence Agency и так далее. Второй, не менее важный момент связан с вроде бы немотивированным присутствием в работе А.И. Фета имени Н.П. Огарёва, вместе с А.И. Герценом, как известно, выпускавшего в Лондоне революционный журнал "Колокол" (якобы на деньги дома Ротшильдов).

Отсюда вполне возможен вариант, согласно которому "интеллигенция" изначально рассматривалась не как "соль земли русской", "мозг" или "совесть" русской нации и даже не как её, по определению В.И. Ленина, отходы жизнедеятельности, а как своего рода "разведывательное сообщество" цивилизованного англоязычного мира, каковые функции оно добросовестно, хотя порой не вполне сознательно или даже совсем бессознательно выполняет на протяжении всего своего уже полутораторского существования. Если верить нашим западным "партнёрам", так русская интеллигенция — едва ли не единственная ценность, которую Россия дала остальному миру: "Intelligentsia — люди умственного труда (intellectuals), рассматриваемые как художественная, общественная или политическая группа или класс, в особенности в качестве элиты". Ну да, ну да — кто бы сомневался или, тем более, спорил? Всемирно-историческое значение, опять же! "Возьмутся за руки друзья — и станешь нерукопожатен..." Как пелось в известной песенке из мультфильма про капитана Врунгеля, "Как вы лодку назовёте — так она и поплывёт". Ну, и мы же с вами — интеллигентные люди и понимаем, как и с какими целями всё это делается?

Олег ШУКИН

Наш еженесячник "День литературы" допозднее журналом. Накануне своего 20-летия газета "День литературы" выпустила уже второе "толстое" приложение — журнал "День литературы". Планируется выпустить новый номер журнала раз в квартал. Каким нам видится это новое издание? Логично предположить, что журнал, возникший как приложение к еженесячной литературной газете, наследует её дух и традиции. Конечно же, ошеченные от "злости дня" и того публицистического задора, что всегда отличали "День литературы" в ряду других литературных изданий. Но не только. Журнал "День литературы" делает сознательную ставку на большую русскую прозу: романы, повести, новеллы. То, в чём мы можем сегодня увидеть и понять наше время; то, что, собственно, и останется от нашего времени. Отсюда принцип: один журнал — один роман (повесть, несколько рассказов). Разумеется, журнал "День литературы" не откажется от последовательной и неизменной позиции издания на протяжении 20 лет и вслед за газетой готов манифестировать: это журнал русских писателей. Поэтому обсуждение национальной идеи России и судьбы русского народа будет по-прежнему ярко и целенаправленно освещаться на его страницах. Следующим, но не менее важным, мы считаем обязательное присутствие на страницах "ДЛ" современной литературной критики и делаем всё, чтобы привлечь к нам все здоровые аналитические силы, украшающие со-

временный литературный процесс. Кстати, о литературном процессе. В последние десятилетия в русской литературе сложилась довольно странная ситуация, при которой Москва — это столица Москвы. И большая часть литературных изданий занимается обслуживанием (скорее — самообслуживанием) небольшой группы литераторов, прописанных внутри МКАД. Добавить к ним ещё несколько имён из Петербурга и выехавших на ГИМХ в Европу — и мы получим законченный примемальный список русскоязычных литераторов последних 10-15 лет. И как в жанровой политике журнал "День литературы" делает ставку на большую русскую прозу, так и в своих географических предпочтениях остаётся верен Большой России и её многочисленным и удивительно талантливым писателям. Понимая под Большой Россией, разумеется, не временно уютную РФ, а всю историческую нашу Родину! И последнее: чего не дождётся от журнала "День литературы". Русская литература — это, помимо всего прочего, ещё и чувство достоинства. И точно так же, как еженесячник "День литературы" никогда не участвовал в экологическо-х дразгах, журнал "День литературы" общается со своими читателями, занимаясь русской литературой и только русской литературой, в той самой степени, в какой она неотделима от судьбы нашей Родины.

Справки — в редакции «Дня литературы» (Комсомольский пр., 13) и по тел. 8 (499) 246-53-11

